

установить древность оппозиции транзитивный/интранзитивный с помощью морфосемантической классификации абсолютива или эргатива по таким признакам как [+разумный], [+одушевленный], [+мужской] или [+сильный] (ср. положение в цезских, нахских и аваро-андийских языках и такие удинские предложения, как *šətin* (эргатив) *aššim-neka* «он смеется», *pašayin çaren* (эргатив) *gölö bənəneka* «царский сын горько плачет»). Раздел завершается исследованием маркирования второстепенных членов предложения (адресат, инструмент, локатив и т. д.), описанием различных типов определений, выраженных именем в генитиве, а также краткой характеристикой сложных конструкций (сдва представленных) предложения в лезгинских языках.

Эта необыкновенно насыщенная материалом работа, к которой приложена обширная библиография (за что должен быть благодарен любой кавказовед), — незаменимое пособие в работе каждого, кто отваживается взяться за сложную тему реконструкции пралезгинского языка. К сожалению, пользование этой книгой заметно затрудняет отсутствие предметного указателя и указателя слов. Разумеется, от окончательной оценки утверждений автора рецензент вынужден воздержаться, возможные были лишь мелкие замечания по поводу некоторых проблематичных положений. Будем надеяться, что предварительные разработки в области фонетики, на которые рецензент смотрит несколько скептически и результаты которых доведены здесь до читателя без всяких комментариев, будут предложены и более обширной аудитории. Лишь тогда станет возможной проверка ряда выдвинутых положений в области морфологии также и по материалу, лежащему в их основе, т. е. исходя из установленных фонетических законов, не-

обходимых в каждом случае констатации языкового родства (об этом см. [12]).

Шульце В.

Перевела с немецкого Цивина К. Д.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dirr A.* Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen. Leipzig. 1928. S. 19 f.
2. *Старостин С. А.* О реконструкции пралезгинской фонологической системы (консонантизм) // Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников: Литературоведение, текстология, лингвистика. М., 1975.
3. *Алексеев М. Е.* Структура простого предложения в лезгинских языках // ИАН СЛЯ. 1985. № 4.
4. *Horn P.* Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg, 1893. 116.
5. *Алексеев М. Е.* К вопросу о классификации лезгинских языков // ВЯ, 1984. № 5.
6. *Klimov G. A.* Die kaukasischen Sprachen. Hamburg, 1969. S. 51.
7. *Мейланова У. А.* Будухско-русский словарь. М., 1984. С. 190.
8. *Schulze W.* Remarks on the Lezgian case system // Folia Slavica. 1984. 7. P. 318.
9. *Schulze W.* Die Sprache der Uden in Nordazerbajdzan // Studien zur Synchronie und Diachronie einer süd-ostkaukasischen Sprache. Wiesbaden, 1982.
10. *Кахадзе О. И.* Грамматические классы в лезгинских языках. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).
11. *Schulze W.* Noun classification and ergative construction in the East Caucasian languages // Proceedings of the III Caucasian colloquium. Oslo, 1986. Oslo, 1987.
12. *Schulze W.* // Kratylos. 1987. 31. Rec.: *Diakonoff I. M., Starostin S. A.* Hurro-Urartian as an East Caucasian language.

Кажибеков Е. З. Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках (Явление синкретизма). Алма-Ата: Наука КазССР, 1986. 272 с.

Хорошо известно, что неизученность вопроса не всегда является единственно верным критерием определения его теоретической и практической ценности. Точно так же вопросы, казалось бы, в той или иной степени разработанные, могут надолго оставаться актуальными и быть объектом изучения ряда поколений ученых. Явление так называемого «тюркского синкретизма», иначе глагольно-именной корреляции, соотношения, омо-

нимии и др., которым занимались многие отечественные и зарубежные ученые, относится к числу таких проблем. Между тем исследование данной проблемы представляется одной из важных задач тюркского исторического языкознания, с решением которой связано прояснение целого ряда положений исторической грамматики: история развития тюркских частей речи, генезис словообразовательных категорий, доагглютинативное словотвор-

чество, семантика древних слов, реконструкция пратюркского и прототюркского состояний.

Проблема глагольно-именной корреляции гомогенных моносиллабов — тюркский лексико-грамматический синкретизм, разработке которой посвящена монография Е. З. Кажибекова, теснейшим образом связана с вопросами исторической лексикологии, морфологии и фонетики (фонологии) и отражает древнее состояние языковой стихии тюрков, когда имена и глаголы как лексико-грамматические категории не были так строго дифференцированы между собой, как сейчас, и синкретизм в известном смысле имел словообразовательный характер. Все это сделало выход в свет данной книги — первого монографического комплексного исследования данной проблемы — заметным событием в тюркологии, важным этапом дальнейшего углубленного изучения синкретизма, определения и характеристики лексико-грамматической природы синкретичных образований, процессов их семантического и структурного развития.

Монография состоит из Введения, четырех глав, Заключения, приложений (списка синкретичных корней-основ и списка сокращений). Во вводной части приводится краткая история вопроса, отграничивается объект изучения, убедительно обосновывается методика исследования, принцип ограничения односложных структурам корней и неразложимых основ, исходя из специфики самих тюркских языков.

В первой главе — «Проблема корневой глагольно-именной омонимии в тюркских языках (Степень изученности и основные аспекты)» — рассматриваются ранние высказывания ученых-тюркологов (Г. Вамбери, П. М. Меллоранского, Г. И. Рамштедта, В. Банга, Ж. Дени, К. Грёнбека, К. Брокельмана, В. Л. Котвича и др.) о природе тюркских глагольно-именных форм основ, которые, как правильно указывает автор, не отражали многообразия языковых фактов, связанных с данным явлением, что было следствием целого ряда конкретных причин. Критически используя опыт изучения проблемы (Н. К. Дмитриев, А. Н. Кононов, Н. А. Баскаков, И. А. Батманов, А. М. Щербак, Э. В. Севортян, Э. Н. Наджиб, Б. М. Юнусалиев, К. М. Мусаев и др.), автор обобщает и выделяет наиболее важные положения, критически развивая их далее на основе привлечения новых языковых материалов. Особое внимание уделяется источникам глагольно-именной корреляции омоформ в тюркских языках — бывшей комплексности праформ на праязыковом уровне. «И дело тут не только в том, что образы конкрет-

ных предметов и вещей, просцируемые в нашем сознании или мозгу, соответствуют степени нашего знания того или другого предмета или явления, его атрибутам, качеств и признаков, и чем меньше мы знаем тот или иной предмет или явление, тем более обобщенно и расплывчато наше представление о нем, — пишет автор. — Это только первый этап, связанный с исходным моментом зарождения рассматриваемого явления глагольно-именной корреляции форм в языке. Трудно (и вряд ли необходимо) сравнивать сознательное словопроизводство по модели „имя — глагол“ с первоначальным примитивным приемом словообразования, из которого вырос тюркский синкретизм“ (с. 44—45).

Вторая глава («Общие и межтюркские синкретичные моносиллабы») представляет собой перечень наиболее характерных (реконструированных автором) односложных глагольно-именных основ, подвергнутых скрупулезному семанτικο-грамматическому и фонетическому анализу с широким привлечением данных всех тюркских языков. Словарные статьи синкретичных основ обще- и межтюркского характера по существу являются опытом реконструкции пратюркского словаря. В них ученый не ограничивается только омонимичными соответствиями, приводя коррелирующие ряды гомогенных форм основ — фоно-семантические комплексы. Ср. словарные статьи на **joj*—**joq* (с. 55—56), **kör*—**köz* (с. 57—58), **küj*—**köz/kör* (с. 59—60), **taš*/**tış* (с. 72—73), **toj*—**toi*/**toq* (с. 73—74), **tüz*/**tiz* (с. 75—76) и т. д. Положительным является также то, что в тех случаях, когда тот или иной синкретичный корень имеет посторонний перечень родственных значений, автор, где это правомерно, выделяет условные коррелятивные пары; см., например, статьи **sap* (с. 67—68), **tün* (с. 78), **çap* (с. 80—81), **çat* (с. 81—82) и др. Материалы данной главы убеждают в том, что рассматриваемое явление в древности было гораздо более распространенным; и даже более того — с достаточной степенью вероятности оно интерполируется в пратюркский период.

Третья глава монографии («Проявление грамматического синкретизма в тюркских языках») посвящена непосредственному фоно-морфо-лексико-семантическому разбору глагольно-именных соотношений на уровне односложных корней-основ. Правильно в этой связи замечание о том, что изучению глагольно-именных совпадений производных образований обязательно должно предшествовать исследование односложных основ, «являющихся исходными кирпичиками полисиллабических словоформ и прообразамися словообразующих показателей» (с. 93). По

мнению автора, синкретизм вторичных форм может быть следствием такого же качества исходного праслова для аффиксов (если, конечно, теоретически принята данная гипотеза о восхождении грамматических показателей генетически к полнозначным словам), влияния диффузности корня, к которому присоединяется аффикс, или же действия древней и некогда продуктивной словообразовательной модели «имя — глагол» и, наконец, — следствием случайного совпадения разных морфем. Под углом темы рассматриваются и такие вопросы, как лексикализирующая функция конечных согласных тюркского корня, чередование гласных и варьирование других компонентов тюркского моносиллаба для семантической дифференциации первичного значения. Е. З. Кажобеков интерпретирует вариации элементов тюркского корня как этимологически тождественные фонетические дублеты, в результате чего его конечные, начальные и средние коррелирующие части (аулаут, илаут и ауслаут) трактуются как базовые, т. е. сугубо корневые элементы. Приводятся также примеры односложных корней-основ, восходящих к полисиллабическим структурам, некоторые случаи использования долготы или дифференциации сходно звучащих слов, устанавливаются случаи выработки «синкретизма» в исторически обозримое время в лексемах, ранее им не обладавших, и т. д. «Говорить ... о морфологической функции начального, среднего или конечного компонентов тюркского изолированного слога только на том основании, что некоторые фонетические закономерности в отдельных случаях соответствуют семантической дифференциации, — резюмирует автор, — пока не представляется возможным» (с. 122).

Последняя, четвертая глава («Синкретичные моносиллабы, выявленные в процессе сравнительного анализа») посвящена изучению синкретичных корней, реконструированных в результате модельного анализа дериватов или бытующих в структуре устойчивых сочетаний, пословиц и поговорок, всевозможных композитов и пр. Изучение отдельных аспектов проблемы тюркского синкретизма иногда выводит исследователя за рамки тюркских языков и заставляет обращаться к фактам омоформизма общеалтайского происхождения. Вполне закономерно выделение в данной главе гипотетических пластов и предварительных этимологических реконструкций.

В Заключении резюмируются основные идеи исследования, подтверждающие признание исторической реальности тюркского синкретизма как древнейшей системы словообразования, восходящей к

пра- и прототюркскому периоду развития тюркских языков.

Если говорить в общем, можно отметить тот факт, что автором — при относительно удовлетворительном «обследовании» доступных ему лексикографических источников — все же недостаточно полно охвачены факты живых тюркских языков, диалектальные и другие ненормативные пласты лексики. В случае учета последних можно было бы, с одной стороны, значительно дополнить список фиксируемых единиц, а с другой, подвергнуть более тщательной корректировке сомнительные или нуждающиеся в подтверждении реконструкции, таким образом сняв, или, наоборот, существенно усилив отдельные гипотетические участки восстановлений, выверив надежным образом «осколочные» и редкие формы или употребления по словарям Л. З. Будагова, В. В. Радлова, В. И. Вербицкого, В. П. Наливкина, П. М. Мелиоранского и др. Можно также не согласиться с сознательным отказом Е. З. Кажобекова от попыток теоретической аргументации самого факта исторической реальности так называемого «синкретизма»: «В предлагаемой работе мы не ставили задачи доказать реальность существования в тюркских языках первичных синкретичных основ, выражающих одновременно соответствующие значения имени и глагола, так как в трудах многих советских и зарубежных тюркологов этот аспект проблемы был решен достаточно убедительно» (с. 3—4). К сожалению, в действительности ситуация в науке все же еще не так однозначна, хотя, нужно заметить, что основания для такого категоричного утверждения у ученого были. Вполне достаточно для того, чтобы убедиться в этом, обратиться хотя бы к материалам томов «Этимологического словаря тюркских языков» Э. В. Севортяна [1]. Нет единства в понимании или интерпретации сходных явлений и у противников синкретизма, ср., например, замечание А. А. Юлдашева о важности пересмотра «пресловутого положения о синкретизме глагольных и именных корней» [2] с его следующим высказыванием: «...не лишено основания предположение ученых о том, что синкретичные корневые морфемы типа башк. ... *иеш-* «опухать»: *иеш* «опухоль», ... отражают былую неопределенность или диффузность их категориальных свойств» [3]. Диаметрально противоположные позиции ученых по проблеме структурности тюркского корня (как принято считать, в подавляющем большинстве случаев односложного), которые, как кажется, должны были бы нейтрализовать друг друга, продолжают существовать и соответственно дорабатываться [4, 5], что, по на-

чему убежденно, говорит о том, что в данном случае, по-видимому, необходимо искать другое решение, исходя прежде всего из самого исследуемого материала. Интересно в связи с этим отметить, что позиция отдельных тюркологов по вопросу о структуре тюркского односложного корня в плане ее соотношения с теорией синкретизма, по меньшей мере, некорректна: любые аргументы в пользу синкретичности корня теряют смысл, если в его составе усматривать аффиксальные элементы. Тезисы о синкретичности корня и его структурности исключают друг друга. Примечательно, что автором рецензируемой монографии успешно решается указанное противоречие. По его мнению, синкретичность — признак исконно корневых морфем; в деривативных структурах, независимо от типа слога, может быть представлено более позднее явление — глагольно-именная омонимия.

В «Этимологическом словаре тюркских языков» [1] и других своих работах [6] Э. В. Севортян использует данные термины для обозначения одного и того же явления — глагольно-именная омонимия и синкретизм. Как мы видели выше, оговорки о том, что первый термин отражает синхронный уровень, а второй — диахронический, не решают проблемы; даже, наоборот, меняют «полюса»: первый термин для компонентных корней отражает историю, второй — современный срез. Наталкивают на серьезные размышления в этом плане и, как нам кажется, намечают отдельные перспективные линии дальнейшего изучения проблемы, глубинные статистические импликации Б. А. Серебренникова (кстати, отрицающего синкретизм — [7]), в частности, следующие: «Неоформленность частей речи находится в прямой зависимости от небольшого количества типов слов, абсолютного преобладания односложных слов и общей скудности дистриктивных средств языка. В этих условиях язык бывает вынужден использовать одно и то же слово в роли разных частей речи» [8, с. 292]; «Свободный порядок слов связан с развитием флексии... Более стабильный порядок слов устанавливается также в языках, формально не различающих частей речи. В языках этого типа одно и то же слово может быть существительным, прилагательным, глаголом, местоимением, наречием и предлогом в зависимости от места, которое оно занимает в предложении» [8, с. 309].

Являются ли синкретичные образования (уже сами по себе пережиточные в тюркских языках) — на корневом уровне — реликтом еще более раннего ава-

литического состояния языка (точно так же, например, в языках флективных обнаруживаются реликты агглютинативности) или аналогичны внешне схожим конверсивным позднейшим преобразованиям — отдельный предмет дальнейших размышлений, хорошее начало которых положено рецензируемым исследованием.

Можно спорить о правомерности или неправомерности логического и теоретического выделения корневого оморфизма как сугубо языкового явления, соглашаться или не соглашаться с концепцией исторической реальности тюркского синкретизма, но ясно одно — после выхода в свет книги Е. З. Кажибекова данный феномен уже нельзя отбросить голым отрицанием. Теперь во всей своей сложности и противоречивости перед исследователями встает новая задача — объяснить то, что дано в языке. И самое главное, что хотелось бы особо подчеркнуть, — при любом решении данного вопроса монография Е. З. Кажибекова «Глагольно-именная корреляция гомотенных корней в тюркских языках (Явление синкретизма)», несомненно, представляет собой ценный вклад в тюркскую компаративистику, без которого — как переходного звена — нельзя прокинуть в глубинную суть фоно-лексико-семантических и грамматических языковых явлений на пра- и прототюркских уровнях.

Тенишев Э. Р., Чеченов А. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974—1980.
2. Юлдашев А. А. К «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков». Т. 4. Лексика (Проспект). М., 1981. С. 8.
3. Юлдашев А. А. Прищипы составления тюрко-русских словарей. М., 1972. С. 235.
4. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980. С. 77.
5. Баскаков П. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979. С. 143.
6. Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962. С. 362.
7. Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983. С. 235—240.
8. Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.